

Писателю
Даниилу Гранину
исполняется
80 лет

Честное Слово

можовские новости. - 1999 -
3 января. - с. 12.

Окуджавы, у Даниила Гранина долгое время были «две сестры, две жены, две невесты»: наука и литература. Впрочем, они нераздельны и поныне, но тогда, в начале 60-х, его роман «Иду на грозу» был знаком времени. Кто из людей читающих не читал его? Кто из людей, редко читающих журналы и книги, не слышал хотя бы о нем? Об этом романе спорили, о нем говорили, как говорят о деле жизни. И не «в узком кругу ограниченных лиц», где ныне во взаимных похвалах нередко обретают известность, а на многочисленных и многолюдных читательских конференциях.

И через два с лишним десятилетия знаком первых, так называемых перестроечных лет стал роман Гранина «Зубр». Тут сразу скрестились и хвала, и хула. Не было только равнодушных. Каких похвал и каких грозных обвинений не прочел о себе Гранин в ту пору, если у него в обычаях все это читать. В конечном счете — ведь ты сам свой высший суд.

У Сергея Орлова есть фраза: «Чем дальше от войны, тем больше обнаруживается ее участников». Вот так и в последние годы столько вдруг объявилось литераторов, пострадавших во времена минувшие. Одна вполне благополучная поэтесса даже заявила со сцены: «Я страдала меньше, чем Мандельштам». И это — дословно. И го-

лос ее был ангельски певуч. Но никогда и нигде не читал я у Гранина, что ему что-то пришлось претерпеть. А уж как официальная критика топтала в свое время его рассказ «Собственное мнение», а за этот рассказ — и журнал «Новый мир», поскольку ни собственного мнения, ни достоинства советскому человеку не полагалось. Конечно, дело забывчиво, тело заплывчиво, только на сердце остаются рубцы.

Многие годы обобществления советские не прошли бесследно. С какой легкостью сегодня награждают избранных: вы — наша совесть! Как будто можно, в самом деле, быть чьей-либо совестью, как будто можно оставаться человеком, доверив свою совесть другому. И жизнь, и совесть дается не одна на всех, а каждому — своя. Жизнь можно отдать за друга, за родину, совесть — никому и никогда. В этой связи я хочу сказать о «Блокадной книге» Алексея Адамовича и Даниила Гранина. Она стоит в особом ряду, эта книга пережитых ленинградцами страданий, безмерной силы духа и непокоренной совести. В нее вошли, думается, не все истории, что слышали они, обходя выживших блокадников и записывая, горе было слишком безмерно. Но возвращать людей к пережитому, слушать, записывать — это иной раз на грани человеческих сил, потому что

каждая такая история разрывает душу. И вот они, бывший фронтовик и бывший партизан, сами испытавшие немало, исполнили еще один свой долг, долг совести: не дали стереть времени, уйти в безвестность общему подвигу стольких безымянных. В этом тоже предназначение Слова.

Даниилу Гранину — 80. Его книги, изданные у нас миллионными тиражами, переведены во многих странах мира. Имя его известно широко. Но, может быть, всего дороже, как много значит его имя в его городе — в Ленинграде, в Санкт-Петербурге. Он давно уже неотделим от культуры этого великого города.

Григорий БАКЛАНОВ

В дни блокады Ленинграда вызвали с Ленинградского фронта в Смольный несколько человек: вручить им ордена. Среди них был Даниил Гранин. В Смольном их накормили: котлетка из чего-то, стакан компота. Ленинград в эти дни вымирал от голода, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии товарищ А. Жданов, страдавший от ожирения, рассказывают, для разгрузки временно играл в теннис.

Когда стране грозит гибель от иноземного нашествия, слабые никнут и покоряются, сильный народ с особой силой осознает себя народом. Никогда еще в уходящем столетии наш народ не сплывался так, как в годы Ве-

ликой Отечественной войны. Но и тогда разные люди вели себя по-разному. Известный кинорежиссер, его уж нет, сумел вместе с женой улететь из Ленинграда в глубокий тыл, прихватив немалый груз вещей, но оператора, с которым работал, оставил. Тот умер от голода в блокадную зиму. Гранин работал на Кировском заводе и в первые дни войны среди многих и многих ушел добровольцем в народное ополчение. В дальнейшем воевал в пехоте, потом танкистом, войну закончил в Восточной Пруссии командиром роты тяжелых танков.

Писателями не становятся, писателями рождаются, но путь в литературу у каждого свой. Говоря словами